КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

по жалобе Матсакова Кадырбека Мусаевича
на определение коллегии судей Конституционного суда
Кыргызской Республики от 7 июля 2026 года

25 сентября 2026 года город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Токтосуновой З., руководствуясь статьей 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Матсакова К.М. на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 7 июля 2026 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Матсакова К.М., выслушав сообщение судьи Айдарбековой Ч.А., Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 16 июня 2026 года поступило ходатайство Матсакова К.М., действующего в интересах Парпибаевой Н.И. и Атаназарова Х.Э., о проверке соответствия нормативного положения абзаца первого статьи 21 Закона Кыргызской Республики «О профессиональных союзах», выраженного словами “Собственность профсоюзов не подлежит приватизации.”, статьям 10, 15, 23, 24, 40 и 41 Конституции Кыргызской Республики, а также о даче официального толкования указанного положения во взаимосвязи с первым предложением абзаца первого статьи 21 и статьей 21-1 названного Закона.

Заявитель отмечал, что первое предложение абзаца первого статьи 21 Закона закрепляет право профсоюзов владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим им имуществом и денежными средствами, тогда как следующее предложение устанавливает, что собственность профсоюзов не подлежит приватизации. При этом понятие «приватизация», по его мнению, законодательством связывается с отчуждением государственного имущества в частную собственность, вследствие чего использование данного понятия применительно к собственности профсоюзов порождает неопределенность относительно содержания установленного запрета и пределов осуществления профсоюзами правомочия распоряжения своим имуществом.

Кроме того, Матсаков К.М. ссылался на статью 21-1 Закона, предусматривающую обязанность профсоюзов ежегодно публиковать сводную информацию об источниках формирования денежных средств, включая информацию и об отчуждаемом имуществе. По его мнению, наличие, с одной стороны, закрепленного статьей 21 Закона права профсоюзов распоряжаться принадлежащим им имуществом, с другой – запрета его приватизации, а также предусмотренного статьей 21-1 регулирования отчуждения имущества не позволяет однозначно определить содержание и взаимное соотношение указанных положений.

В этой связи заявитель ставил вопрос о том, допускаются ли в отношении имущества профсоюзов купля-продажа, мена, дарение, внесение имущества в уставный капитал и иные гражданско-правовые способы распоряжения им. По его мнению, существующая неопределенность создает возможность неоднозначного применения Закона и тем самым затрагивает принципы правовой определенности и равенства, а также конституционные гарантии собственности и свободы экономической деятельности.

В подтверждение практического характера поставленной проблемы Матсаков К.М. ссылался на судебные акты, принятые по гражданским делам, связанным с отчуждением имущества профсоюзов. По мнению заявителя, применение оспариваемого положения при разрешении указанных споров свидетельствует о том, что содержащийся в нем запрет допускает понимание, ограничивающее возможность распоряжения профсоюзным имуществом посредством гражданско-правовых сделок.

На основании изложенного заявитель просил признать оспариваемое нормативное положение не соответствующим Конституции в той мере, в какой оно создает неопределенность относительно распоряжения и отчуждения имущества профсоюзов, а также дать официальное толкование оспариваемого нормативного положения во взаимосвязи с первым предложением статьи 21 и статьей 21–1 Закона «О профессиональных союзах».

Определением коллегии судей Конституционного суда от 7 июля 2026 года в принятии к производству указанного ходатайства было отказано.

Коллегия судей отметила, что первое предложение абзаца первого статьи 21 Закона прямо закрепляет право профсоюзов владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим им имуществом и денежными средствами. В связи с этим наличие в следующем предложении указания о том, что собственность профсоюзов не подлежит приватизации, само по себе не свидетельствует об исключении закрепленного законом правомочия распоряжения, а поставленный заявителем вопрос о значении понятия

«приватизация» и его соотношении с гражданско-правовыми способами отчуждения имущества требует системного уяснения положений текущего законодательства.

Коллегия судей также указала, что вопросы о правовом режиме конкретного имущества, основаниях и порядке распоряжения им, полномочиях соответствующих лиц и действительности совершенных сделок разрешаются при применении норм гражданского и специального законодательства с учетом обстоятельств конкретного дела. Представленные заявителем судебные акты свидетельствуют о наличии конкретных гражданско-правовых споров, однако проверка правильности их разрешения судами общей юрисдикции не относится к полномочиям Конституционного суда.

Что касается требования об официальном толковании некоторых положений Закона, коллегия судей пришла к выводу, что оно фактически направлено на установление содержания и взаимного соотношения статей 21 и 21-1 Закона. Между тем Конституционный суд осуществляет официальное толкование Конституции Кыргызской Республики, тогда как официальное толкование иных нормативных правовых актов осуществляется в порядке, предусмотренном законодательством. В связи с этим поставленные заявителем вопросы законодательного уточнения, системного толкования и применения положений Закона не относятся к полномочиям Конституционного суда.

Не согласившись с определением коллегии судей от 7 июля 2026 года, Матсаков К.М. обратился в Конституционный суд с жалобой, в которой приводит доводы о необоснованности отказа в принятии первоначального ходатайства к производству.

В обоснование жалобы Матсаков К.М. указывает на соблюдение предусмотренных законом условий допустимости обращения: соответствие ходатайства требованиям к форме и содержанию; наличие у представляемых им лиц права на обращение в Конституционный суд и надлежащим образом

оформленных полномочий представителя; отнесение поставленного вопроса к компетенции Конституционного суда; отсутствие ранее принятого решения Конституционного суда по тому же предмету; неповторность обращения и сохранение юридической силы оспариваемого нормативного положения. По мнению заявителя, при таких обстоятельствах предусмотренные законом основания для отказа в принятии ходатайства к производству отсутствовали.

Матсаков К.М. также оспаривает вывод коллегии судей об отсутствии конституционно-правовой неопределенности. По его мнению, неоднозначность понятия «приватизация» применительно к собственности профсоюзов и возможность различного определения пределов распоряжения таким имуществом непосредственно затрагивают конституционные права представляемых им лиц и принцип правовой определенности, в связи с чем поставленный им вопрос имеет именно конституционно-правовой характер.

Кроме того, заявитель полагает, что отказ в принятии ходатайства не устраняет существующую правовую неопределенность, подтверждаемую, по его мнению, правоприменительной практикой, тогда как оспариваемое положение было применено в конкретных судебных делах и существенно затронуло имущественные права представляемых им лиц.

На основании изложенного Матсаков К.М. просит удовлетворить жалобу, отменить определение коллегии судей Конституционного суда от 7 июля 2026 года и принять первоначальное ходатайство к производству.

Конституционный суд, обсудив доводы жалобы, содержание обжалуемого определения коллегии судей и представленные материалы, приходит к следующим выводам.

1. При рассмотрении жалобы на определение коллегии судей об отказе в принятии обращения к производству Конституционный суд проверяет обоснованность выводов коллегии исходя из содержания первоначального обращения и доводов, приведенных заявителем в их опровержение. Такая проверка предполагает установление наличия предусмотренных конституционным Законом «О Конституционном суде Кыргызской

Республики» оснований для рассмотрения дела, а также определение действительного характера поставленных заявителем вопросов и их относимости к предмету конституционного контроля.

Согласно статье 26 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» основанием к рассмотрению дела является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о соответствии закона или иного нормативного правового акта Конституции. Следовательно, для принятия обращения к производству недостаточно несогласия заявителя с содержанием, толкованием или применением нормативного положения. Такая неопределенность должна носить конституционно-правовой характер, то есть давать основания для постановки обоснованного вопроса о совместимости нормативного содержания оспариваемого положения с конкретными предписаниями Конституции.

В этой связи неопределенность в вопросе о конституционности нормативного положения следует отличать от неясности, возникающей при определении значения законодательного термина, сферы действия нормы либо его соотношения с другими положениями текущего законодательства. Необходимость системного уяснения содержания нормативного регулирования сама по себе не свидетельствует о наличии конституционно-правовой неопределенности. Оценка характера поставленного заявителем вопроса на стадии предварительной проверки необходима для разграничения предмета конституционного контроля и вопросов толкования либо применения текущего законодательства и не означает разрешения вопроса о конституционности оспариваемого положения по существу.

2. Как следует из первоначального обращения, исходная правовая проблема, обозначенная Матсаковым К.М., состоит прежде всего в предполагаемой несогласованности положений самого Закона и необходимости определить содержание и взаимное соотношение используемых в нем правовых категорий «распоряжение», «приватизация» и «отчуждение». Между тем предполагаемая внутренняя несогласованность

положений одного нормативного правового акта сама по себе не тождественна неопределенности в вопросе о соответствии этого акта Конституции. Для возникновения вопроса, подлежащего разрешению в порядке конституционного судопроизводства, такая несогласованность должна приобретать конституционно-правовое значение, то есть давать основания для обоснованного сомнения в совместимости нормативного содержания оспариваемого положения с конкретными конституционными предписаниями.

При этом само по себе наличие предполагаемой внутренней несогласованности положений закона не исключает возможности осуществления конституционного контроля. Однако для этого недостаточно указать на различие используемых законодателем понятий, неоднозначность их понимания либо необходимость согласования отдельных положений закона между собой. Доводы обращения должны позволять поставить обоснованный вопрос о том, какое нормативное содержание оспариваемого положения и в каком аспекте может не соответствовать Конституции. Иное означало бы, что необходимость толкования или согласования любых положений текущего законодательства сама по себе являлась бы достаточным основанием для осуществления конституционного контроля.

В рассматриваемом случае приведенные в первоначальном обращении доводы не позволяют усмотреть наличие такой конституционно-правовой неопределенности. Предполагаемое нарушение статей 10, 15, 23, 24, 40 и 41 Конституции заявитель выводит из понимания содержащегося в статье 21 Закона запрета приватизации как запрета либо ограничения гражданско-правового отчуждения имущества профсоюзов. Вместе с тем вопрос о наличии именно такого нормативного содержания оспариваемого положения является предметом требуемого заявителем официального толкования норм Закона, ведь Матсаков К.М. просит установить, охватывает ли понятие «приватизация» продажу, мену, дарение и иные гражданско-правовые способы распоряжения имуществом.

Следовательно, поставленный автором обращения вопрос о противоречии оспариваемого положения Конституции является производным от предварительного разрешения вопроса о значении понятия «приватизация» и его соотношении с закрепленным за профсоюзами правом распоряжения имуществом и положениями статьи 21–1 Закона. Иными словами, заявитель связывает предполагаемое нарушение конституционных прав с одним из возможных вариантов понимания оспариваемого положения, содержание которого одновременно просит установить посредством официального толкования текущего законодательства. При таких обстоятельствах само по себе указание на конституционные принципы и гарантии не изменяет характера поставленного вопроса и не свидетельствует о наличии неопределенности в вопросе о соответствии оспариваемого нормативного положения Конституции.

3. Требование Матсакова К.М. об официальном толковании статьи 21 Закона во взаимосвязи с его первым предложением и статьей 21-1 также не может рассматриваться как самостоятельный предмет конституционного контроля.

Согласно статье 20 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» полномочие Конституционного суда по официальному толкованию распространяется на Конституцию. В свою очередь пункт 3 части 1 статьи 80 Конституции Кыргызской Республики предусматривает, что официальное толкование законов входит в компетенцию Жогорку Кенеша Кыргызской Республики.

В связи с этим устранение предполагаемой внутренней несогласованности положений Закона «О профессиональных союзах» посредством изменения или дополнения законодательного регулирования, а равно его официального толкования в установленном законом порядке не может осуществляться Конституционным судом вместо соответствующего нормотворческого органа. Конституционный суд вправе уяснять содержание законодательных положений в той мере, в какой это необходимо для

осуществления конституционного контроля, однако такое уяснение следует отличать от официального толкования текущего законодательства в качестве самостоятельного требования. Поэтому поставленные Матсаковым К.М. вопросы об официальном толковании положений Закона «О профессиональных союзах» не входят в компетенцию органа конституционного контроля.

Таким образом, приведенные Матсаковым К.М. доводы свидетельствуют прежде всего о необходимости определения содержания и взаимного соотношения положений Закона, тогда как наличие неопределенности непосредственно в вопросе о соответствии оспариваемого нормативного положения Конституции ими не обосновано. В части требования об установлении содержания и соотношения статей 21 и 21–1 Закона, то первоначальное обращение фактически направлено на получение официального толкования текущего законодательства, а ссылки на судебные акты затрагивают вопросы применения соответствующего регулирования в конкретных гражданско-правовых отношениях.

При таких обстоятельствах коллегия судей при вынесении определения от 7 июля 2026 года обоснованно определила характер поставленных в первоначальном обращении вопросов и дала приведенным в нем доводам оценку в объеме, необходимом для разрешения вопроса о его допустимости. Доводы жалобы не опровергают выводы коллегии судей об отсутствии предусмотренного законом основания для принятия первоначального обращения к производству, в связи с чем оснований для удовлетворения жалобы Матсакова К.М. и отмены обжалуемого определения коллегии судей от 7 июля 2026 года не имеется.

На основании вышеизложенного, руководствуясь статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

О П Р Е Д Е Л И Л:

1. Жалобу Матсакова Кадырбека Мусаевича, действующего в интересах Парпибаевой Нилуфар Ибрагимовны и Атаназарова Хабибуллы Эргешовича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 7 июля 2026 года оставить без удовлетворения.

2. Настоящее определение является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

№_____